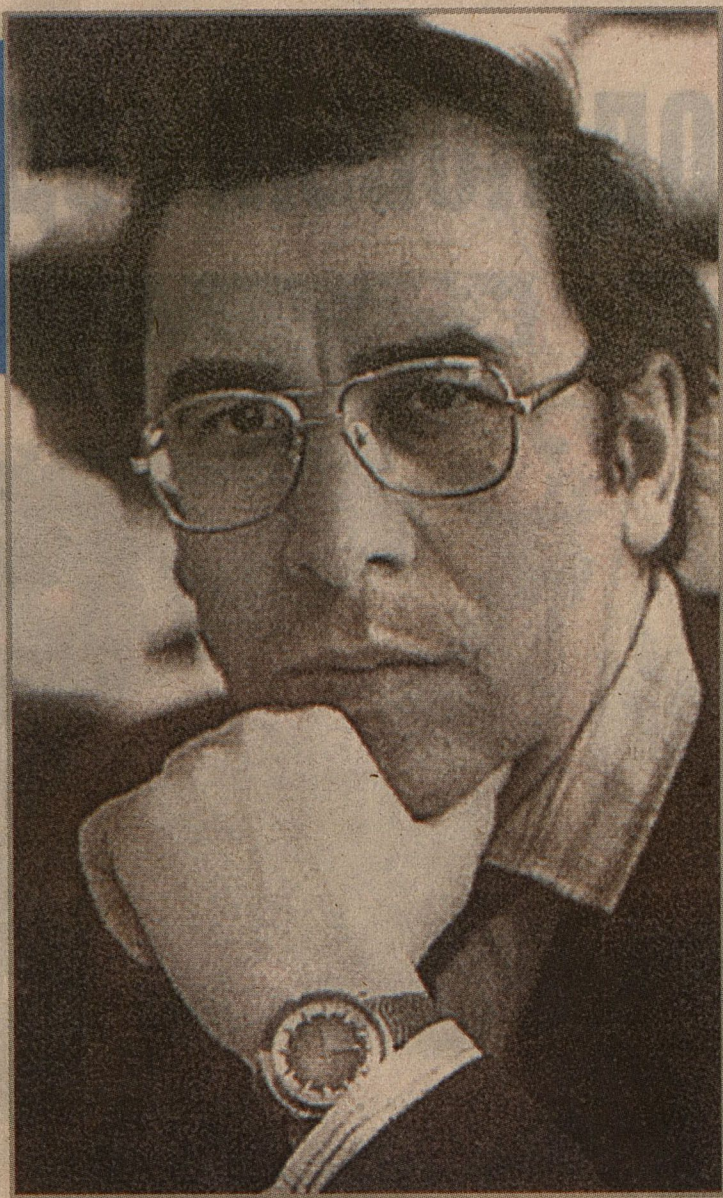

Георгий ПРЯХИН:

Хочу быть голосом

хи. И они будто обезумели. А народ отжимают, как жмых. Такая разница - в нашей стране, с нашим менталитетом, - если она сохранится, закончится плохо.

Горькие перемены и в родном селе. Там был крутой замес: в 31-м сюда ссылали так называемых басмачей, в 35-м - кулаков. Крепкие, твердые, зажиточные люди. А теперь и здесь надлом. Просто достоинство поломалось. Одни устали, другие спиваются. Хотя мой двоюродный брат, фермер, пашет с утра до ночи, спиться работа не дает. Есть еще люди такого же склада, они выстоят. Но основная масса населения сходит на нет, и сходит печально.

- Пустеет село?

- Нет, пустоты нет. Село заселяется. Приезжими. Как сказала мне учительница в нашей школе: чернявеньких голов у нас сейчас больше, чем беленьких. Кавказские нации сегодня куда пассионарнее русских.

Знаешь, я за эти годы очень подружился с Давидом Кугультиновым, калмыцким поэтом. Большая умища. Рассказал ему, что мой дядька женился на калмычке, а та настаивает: нет, я якутка. Посмеялись. Но не до смеха, когда читаю в одной американской книге: оставьте русских в покое, к 2060 году их останется 50 миллионов. И те на две трети будут состоять из мусульман. У них границу нечем будет закрыть.

- Ты сам-то видишь решение демографических проблем?

- Нужно использовать опыт стран, переживших в свое время такие же беды. А именно: государство должно заключать договор с каждой отдельной молодой семьей. Рождается первый ребенок - выдается квартира или кредит на строительство жилья, который списывается по мере рождения каждого последующего ребенка. Рождения троих детей - кредит, как говорится, обнуляется. В свою очередь, молодая семья должна гарантировать государству, что каждый рожденный ребенок будет ребенком «здорового образа жизни». Во всяком случае, не иметь патологий, связанных со злоупотреблением родителями спиртным, куревом, употреблением наркотиков.

Вообще же необходим комплекс мер по закреплению коренного населения юго-восточных регионов.

- Иными словами - твоей малой родины. Я всегда поражалась тому, что все твои книги о ней. О родных местах, о родных людях и даже о случайных встречах там и совсем не случайных раздумьях. Казалось, ты далеко шагнул, уже в Кремле, а выходит книга, и там снова родное село, родной городок, простые труженики.

- Наверное, воображения не хватает. (Смеется.) Я ведь вышел из журналистики, из «Комсомольской правды», которая всегда была внимательна к простому человеку. Я вообще очень благодарен родной газете.

- Знаешь, вчера по радио услышала старую песню о России: «Иванами да Марьями гордилась ты всегда». И подумала: а сегодня гордимся ли ими?

Ведь нынче включишь телевизор - герои дня или бандиты, или эстрадные, и часто весьма сомнительные, звезды. Будто

- Я хочу быть голосом матери моей, тех теток, что доживают свой век в Богом забытом селе...

строим цивилизацию досуга, а не труда. Рабочий, сельский труженик исчезли из поля зрения.

- Чем в принципе отличается нынешнее время от того? То было время пусть спорной, но идеи. Сейчас время интересов. Интересы, конечно, куда более дееспособны, жизненны, живут дольше. Интерес есть интерес, он движет всем.

Что такое рабочий человек? Это массовый человек - их тьма и тьма. Так вот, из тьмы их даже в собственных глазах поднимали к свету. Задача была, быть может, и умозрительная, эту человеческую массу приподнять. Человек читал о себе и сам собой мог восхититься и старался соответствовать лучшему в себе.

Я только что приехал из Краснодара, был в Кубанском университете. И увидел, кто окончил его. Там куча героев «Комсомолки»: Клепиков, Пустовойт, Лукьяненко - масса. Только не увидел там в списках Первицкого Владимира Яковлевича, за которым мы годы, помнишь, следили?

Оказалось, он заочник. А что делает, спрашиваю? Как что, отвечают, работает - по-прежнему звеньевой, в том же колхозе, и так великолепно работает, что на него там молятся.

Я не идеализирую те времена, сам хлебнул соленого не-мало, но вместе с тем книги, газеты были нацелены на намыывание хотя бы тоненькой пленки человечности в человеке: сострадания, доляльности, терпимости. А сейчас из человека вытягивают только то, что интересно или кажется интересным тем, кто понима-

ет, что на пороках заработать легче, чем на намыивании каких-то деликатных нравственных чувств. Вызван демон агрессии, демон зависти. Ненавидеть легче, чем любить.

- Знаешь, я сейчас вспомнила один наш давний-давний разговор. У матери твоей жены случился инсульт, и все мы знали, что ты не вылезал из больницы, судна ей подносил. Не знаю мужика, чтобы так за тещей ухаживал, сказала я. А ты ответил: за матерью же перед смертью не пришлось, мал был... Как шептались-любовно, с какой молитвенной тоской ты из книги в книгу вспоминаешь свою мать, эту неграмотную Настену из бедной сельской вашей хатки...

- Отца не было, она была моей единственной защитой... И я ее так рано потерял... И любовь к ней не убывала, а возрастала с годами. Приехал мальчишкой из интерната на ее могилу - чем украсить? Я стал лопатой вырезать пласти земли с одуванчиками. И обложил всю могилу этими одуванчиками. Но и вину свою перед матерью я тоже помню.

- Да какая такая вина - ты же был мал, когда она умерла?

- Не был я таким пай-мальчиком. И вот она меня отругает за что-то, а я взял манеру уходить из дома. Вечером она беспокоится, бегает вокруг дома, зовет, а я рядом в канаве лежу и молчу. А как-то вообще немой притворился. Когда я в первый класс пошел, мать отравила меня к брату своему - из-за своей неграмотности. Я очень тяжело переживал, да еще меня машина сбита. И я притворился немой. Меня даже в больницу засунули. А детского отделения там не было, и меня положили в женскую палату. И каждая женщина хотела, особенно перед операцией, чтобы я с ней спал: тосковали по своим детям маленьким. Так я со своей подушкой и путешествовал. Но немой.

- Ты и об этих женщинах написал. И с такой благодарностью.

- Они ж меня обогрели. И вот мать зарезала поросенка - досрочно, не на Рождество - и привезла мне колбасы. Я колбасу взял, развернулся и ушел, не вымолвив ни слова. А мать в фуфайке с пустыми руками осталась... И вот это-то, умирать буду, если в памяти окажусь, не забуду ни за что.

- «...Лицо матери мы припоминаем по родинке. Лицо земли мы узнаем и помним по крохотной, непрочной точке в пространстве и времени - дому. Мать, как почка, которой мы прирастаем к земле и к тем, кто рядом с нами. Дом - родинка Родины». Это ты написал еще молодым. Скажи честно, а теперь, когда тебе перевалило за полвека, тоже так считаешь?

- Да. Знаешь, у меня такой случай был. Я уже привык, что в зоне моего села мобильный телефон не работает. И вот как-то приезжаю в очередной раз, иду, как всегда, на могилу матери. Тишина. И вдруг звонок. Нигде в округе телефон

- В твоей самой первой книге «Интернат» была уже явлена та редкая ныне интонация, которая отличает все твои книги. Какая-то печальная доброта, любовное отношение к человеку, будто все люди - твоя родня. И книга о сиротстве, казенном доме маленького городка получилась живой и теплой.

В ней ты написал: «В этот городок езжу до сих пор». С тех пор прошло больше 20 лет. Ты стал столичным жителем, занимал высокие посты, обзавелся большой семьей - ездил ли ты в свой Буденновск и сейчас?

- Езжу. И чем дальше, тем чаще... Дом стоит, как и стоял, а деревья, которые мы сажали, поражают своей громадностью, выше самого интерната. Только там теперь не интернат, а так называемая «вспомогательная школа». Ну ты понимаешь, для каких детей...

- «В этот городок езжу до сих пор», - писал ты, хотя знал: «любая дорога, чем чаще повторяется, тем она горше в конце концов». Тогда это воспринималось как тоска по детству, каким бы обездоленным - ни отца, ни матери - оно ни было. А сейчас?

- Сейчас это двоякая горечь. Очень много лет, так получилось, я ездил туда исключительно на похороны. Родные жены, мои, просто близкие люди...

Это, по сути, была дорога к кладбищу. Маленький начальник, большая начальница - вся-то разница, кто тебя в аэропорту встречает. Теперь подросло новое поколение, и я впервые побывал на свадьбе. Но стала ли эта дорога веселее?.. Буденновск вообще трагический город. Достаточно сказать, что именно отсюда двигался Мамай со своими полчищами на Москву. Еще мальчишкой в интернате я слышал легенду, что в нашем озере осталась его золотая колесница.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Г. В. ПРЯХИН родился 4 мая 1947 г. в селе Николо-Александровском Левокумского района Ставропольского края. Окончил школу с золотой медалью в г. Буденновске, затем Московский государственный университет.

12 лет проработал в «Комсомольской правде», пройдя путь от собкора по южным регионам страны до заместителя главного редактора. Был политическим обозревателем, заместителем председателя Гостелерадио СССР, работал в ЦК КПСС, в аппарате Президента СССР. С 1991 г. - генеральный директор газетно-журнального объединения «Воскресенье» в Москве.

Писатель, автор нескольких книг о своей малой родине Ставрополье, академик Академии российской словесности, почетный гражданин города Буденновска.

Г. В. Пряхин зарегистрирован кандидатом в депутаты Государственной Думы по Георгиевскому одномандатному избирательному округу № 54.

А 95-й год? Эти страшные чеченские события? Там до сих пор чувствуется психологический надлом, причем в массовом характере. Сестра моей жены с детьми все эти дни просидела в подвале и до сих пор страшится закрытых помещений.

Ну и перемены в социальном плане... Дворцы и хижинки рядом. И все, конечно, знают, кто и на что в этих дворцах живет. Недавно громкая была история: посадили нескольких «крутых», так у них нашли 8 килограммов золота.

- Такая золотая колесница Мамай... По всей стране прокатилась.

- Кто в России может быть законным миллионером? Я считаю - тот, кто изобрел валенки, в которых ходила вся страна, и тот, кто придумал портянки. А это все назначенные миллионеры, эти олигар-

- Госдума должна услышать голос юго-восточного Ставрополя!

безголосых

мой не работал, а тут звонит! Жена из Москвы. Я теперь, когда меня спрашивают: опять к матери поехал? - говорю: у меня там телефон звонит, связь с миром восстанавливается.

- Да... А скажи, Георгий, что это у тебя такой кабинетик стал маленький?

- Да я большую часть сотрудникам отдал. Теснят нас соседи.

- Наверное, потому, что вы детективы, любовные романы и все такое подобное не издаете. Пушкин, Лермонтов, теперь вот Достоевский. А почему?

- Наверное, мы не такие разворотливые, как наши молодые коллеги. Или у нас нечего было отмывать. А может быть, они лучше знают рынок. Я не осуждаю тех, кто умеет лучше зарабатывать. Раньше чтиву хода не давали.

Но не все ж человеку жить в проблемах: телевизор включишь - после новостей голова еще больше заболит, надо же на чем-то и отдохнуть. Мы могли, конечно, на пятках на 180 градусов перевернуться и кинуться в так называемую коммерческую литературу. Но хотелось все же сохранить достоинство. И мы пошли другим путем.

Я вспомнил, что видел в интернате два тома Пушкина издания 37-го года. Стали выяснять, что это было за издание. Оказывается, Пушкин арестовывался вместе со своим народом. Каждый том лично просматривал Сталин. Некоторые тома выходили тиражом 700 экземпляров, особенно «Борис Годунов», некоторые вообще не выходили. Это собрание не продавалось, выдавалось большим начальникам, видным интеллигентам. А когда их стали репрессировать, книги тоже арестовывались, а потом попадали только в некоторые доверенные библиотеки. Выяснили, что это собрание не было завершено. И мы решились.

Мук натерпелись... Но вот тебе случай. Стоит очередь на подписку в нашем магазине. Смотрю, какой-то дед тербит бабку, деньги считает, явно не хватает. Я говорю ему: сколько у вас есть, за столько и

продадим. А потом отвел его в сторонку и спрашиваю: для чего Пушкина покупаете? А он: «Как для чего? У меня есть внук, я ему уже завещал квартиру. Ты представляешь, он войдет в квартиру, а там весь Пушкин стоит». Не говорил же: обожаю поэта, хочу его читать... О внуке думал. Вот тебе и бескультурная Россия. Кондров - фамилия этого деда, я запомнил.

Постепенно в издательстве сложилась своя метода работы с полными собраниями сочинений классиков. Мы искали такие подходы, чтобы, не снижая научной ценности, вызвать интерес широкой публики. И Пушкин, и Лермонтов разошлись! А что касается Достоевского, то тут

ром назвать - вроде чуть увильнуть от меня. А священник: «Нет в святцах такого имени. Будет Георгий». Вот так-то. Там куча народу детей крестила. Все плачут - наш молчит. Почему не плакал? Да куда ни глянет - везде свои. Мы же толпой пришли, человек 20 родни.

- У круглого сироты - большая родня...

- О, ты не представляешь, сколько у меня выросло родни, когда я стал встречаться с избирателями! Мать не успела нас сдать, представить этой родне, рано ушла. А потом никто не мог сразу троих детей взять - у самих семеро по лавкам. И на каком-то этапе они из-за неловкости отошли от нас. А сейчас... Сотни сотен. Я точно знаю, кто за меня проголосует: мои могилы, мои книги, еще Пушкин с Лермонтовым. И сотни, сотни родственников и друзей. Если я прорвусь, это будет победа заговора чувств.

- А какое чувство тебе особенно дорого?

- Мое любимое выражение: человека роднит с Богом одно чувство - умение прощать.

- И все же - ну зачем тебе политика?

- Так и знал, что ты такой вопрос задашь... Знаешь, когда нас, кто работал при Горбачеве, выкидывали, я сам себя так утешил: эти ребята, которые придут нам на смену, сделают что-то лучше нас. Теперь от

этого ощущения не осталось и следа. То, что они делают, - хуже или как минимум не лучше. Это уже очевидно. А к Старой площади не только не подойдешь - не подьедешь. Власть так отодвинулась, что ее ничем не достать. И смотри - в Думе ни одного писателя, всех выдавили. И журналистов только двое. Тут так: если мы не займемся политикой, политика займется нами.

Но главное, конечно, другое. Я хочу быть голосом матери моей, моих интернатских, из которых никто наверх не пробился, тех теток, что доживают свой век в этом заброшенном богом селе, тех, что сидели по подвалам под пулями. Если уж говорить высоко, о предназначении - хочу быть голосом безголосых.

Инна РУДЕНКО.
Фото из семейного архива.

Анастасия Владимировна Пряхина.

«Мать, как почка, которой мы прирастаем к земле и к тем, кто рядом с нами»

на нас вышел губернатор Омской области Полежаев. Духовное перерождение Федора Михайловича ведь в этом городе произошло. А Полежаев, между прочим, в далеком родстве с поэтом Полежаевым. Человек начитанный. Издадим 22 тома.

- Чем ты больше всего гордишься? Тем, что сам написал? Тем, что издал?

- Горжусь? Внуком. Одна из 4 дочерей мне его родила. Внук - чудо. Очень похож на меня. Сам белобрысенький, а глаза - черные-пречерные смородины. Понесли мы его крестить. Родители его хотели Его-